

Роль ООН в формировании международного обычного права: практика государств и проблема *opinio juris*

Научный руководитель – Соколова Наталья Александровна

Вишневская Елизавета Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Высшая школа права, Москва, Россия
E-mail: e.vishnivetskaya@yandex.ru

Статья 38 Статута Международного суда ООН закрепляет международный обычай в качестве одного из основных источников международного права, определяя его через два составных элемента: всеобщую практику государств и признание этой практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*). В условиях, когда всё большая часть дипломатической активности государств реализуется на площадках универсальных международных организаций, прежде всего в рамках ООН, возникает закономерный вопрос: при каких условиях и в каком качестве позиции государств, выраженные на площадке ООН, приобретают значение для формирования и установления обычных норм? Этот вопрос имеет не только теоретическое измерение, от его решения зависит, как именно суды идентифицируют действующее международное право.

Проект выводов КМП об идентификации обычного международного права 2018 года, подготовленный под руководством специального докладчика Майкла Вуда, систематизировал подход к двум конститутивным элементам обычая (ILC, 2018, Conclusion 2). Согласно Выводу 6, практика государств охватывает широкий круг форм поведения, в том числе дипломатические заявления, голосование в международных организациях и иные вербальные акты. Вывод 10 уточняет, что доказательствами *opinio juris* могут служить, в частности, позиции государств, занятые в связи с принятием резолюций международных организаций. Таким образом, КМП прямо признаёт институциональные форматы ООН (Генеральную Ассамблею, Шестой комитет) пространством, в котором практика приобретает правовую форму.

Центральным местом формирования практики государств в рамках ООН является Генеральная Ассамблея. Голосование по резолюциям, объяснение позиции при голосовании, выступления делегаций в Шестом комитете — всё это формирует основу позиций стран-участниц, доступных для последующего судебного анализа. При этом принципиально важно разграничение, на котором настаивает КМП: значение имеет не сама резолюция как таковая, а поведение государств в связи с её принятием, в частности, голосование «за» и осознание нормативности самого содержания нормы. Именно подобное поведение может свидетельствовать о наличии *opinio juris*. Консенсусное принятие резолюции лишь усиливает итоговую позицию, поскольку демонстрирует отсутствие возражений со стороны государств, способных выступить в роли так называемых «последовательных возражателей».

Данный подход получил авторитетное судебное подтверждение в решении МС ООН по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)» (1986). Суд был вынужден применять нормы обычного международного права — поскольку оговорка США исключала применение многосторонних договоров, и в поисках *opinio juris* обратился к позиции государств в отношении резолюции ГА 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права».

Суд констатировал, что принятие государствами текста этой резолюции не может трактоваться лишь как повторение или разъяснение уже принятых договорных обязательств, а свидетельствует о признании запрета применения силы нормой обычного права (*Nicaragua v. United States*, 1986, paras. 188–191). Тем самым Суд сформулировал методологический принцип: резолюции ГА могут служить доказательством существования обычных норм, если из обстоятельств их принятия следует, что государства действовали с осознанием юридической обязательности соответствующего положения.

Вместе с тем этот механизм не лишён существенных ограничений. Голосование за принятие резолюции само по себе не тождественно *opinio juris*, государства нередко поддерживают тексты из политических соображений, не признавая при этом их нормативной обязательности. Консенсус также не является автоматическим свидетельством полноценного выражения позиции, так как может отражать дипломатическую вежливость или нежелание вступить в открытую конфронтацию. Установление подлинного *opinio juris* требует анализа совокупности обстоятельств: содержания резолюции, характера использованных формулировок, последующего поведения государств и их реакции на нарушения. ООН, таким образом, создаёт не юридически обязательные нормы, а доказательственный материал, оценка которого остаётся уже задачей суда.

Из изложенного следует вывод: ООН не является формальным нормотворческим органом применительно к международному обычному праву, однако выступает главным институциональным пространством его формирования. Именно здесь государства системно выражают и закрепляют свои правовые позиции в масштабе, недостижимом для двусторонней дипломатии. МС ООН, в свою очередь, выступает инстанцией, которая определяет, достигло ли то или иное положение порога обычной нормы. Этот тандем (ГА как площадка накопления практики и Суд как орган её юридической квалификации) и образует механизм, посредством которого дипломатическое взаимодействие государств трансформируется в обязательное международное право.

Источники и литература

- 1) ILC. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. UN Doc. A/73/10. New York, 2018.
- 2) Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, p. 14.
- 3) Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States. UN GA Resolution 2625 (XXV), 24 October 1970.
- 4) Statute of the International Court of Justice, 1945. Art. 38.